

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

МОНОГАМИЯ

ЛЮБОВНИК

КНИГА 1

18+

Виктория Мальцева

Моногамия. Книга 1. Любовник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мальцева В.

Моногамия. Книга 1. Любовник / В. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04421-0

Валерия прагматик, потому что для романтики у неё никогда не было времени. Однажды она обнаруживает в своей постели незнакомца, и её мир переворачивается с ног на голову. Алекс родился с серебряной ложкой во рту, но в пять лет потерял семью. Весь мир у его ног, а он хочет только одного - девушку, которая принадлежит другому. То, что начиналось как любопытство и адюльтер, оборачивается сложным моногамным чувством длиною в жизнь. Сага о любви, где двое будут сражаться со всем миром, друг другом и самими собой за счастье. Вторая редакция.

ISBN 978-5-532-04421-0

© Мальцева В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1. Знакомство	8
Глава 2. Первый день вместе	11
Глава 3. Песня и первый поцелуй	14
Глава 4. Первое свидание	18
Глава 5. Второе свидание	27
Глава 6. Открытие	34
Глава 7. Испания	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктория Мальцева

Моногамия. Книга 1. Любовник

От автора

Дорогой читатель! В тексте этой книги содержатся наименования композиций для прослушивания в процессе чтения (вынесены отдельной строкой). Эта музыка для Вас и вашего удовольствия! Каждому фрагменту подобран свой саундтрек по настроению, а в некоторых местах и по смыслу.

Плейлист «Моногамия 1» в Youtube

<https://www.youtube.com/playlist?list=PLdunTpByMhm8djwD1fQ-eYKJ5lzyff6G7>

Пролог

Выскакиваю на поверхность первым, один только вдох и обратно, выталкиваю её вверх. Она совершенно выбилась из сил, руки словно ватные, движения медленные.

Мои ладони на её бёдрах, я толкаю её и толкаю, чтобы надышалась, чтобы успела... и она всё делает правильно, держится сама. Я могу оставить её: она дышит.

Могу, но не оставляю, потому что под моими губами живот, лихорадочно сжимающийся в такт её вдохам. Я целую его одним только лёгким поцелуем – единственное касание, и в тот же момент забываю о том, что должен выплыть сам и заполнить свои лёгкие воздухом, если хочу жить. Но в этом мгновении я живее всех живых, и воздух мне не нужен, потому что есть нечто другое, дающее мне жизнь, наполняющее ею так, что в ушах звенит, сердце рвётся наружу, дыхание перехватывает от избытка эмоций, энергии, желания что-то делать, куда-то бежать, свершать, доказывать, что достоин, что смогу быть для неё тем самым...

«Хочу быть твоим мужчиной...»

Часть 1

*“Сколько времени ты мог бы любить женщину, которая тебя не любит?” —
“Которая не любит? Всю жизнь”.*

Оскар Уайльд

Есть люди, которые не умеют быть счастливыми. Когда судьба преподносит им дорогие подарки, они ищут подвоха, не верят, отстраняются. Однако умение принимать дары с благодарностью более важно, чем все другие таланты и навыки, которые родители и учителя прививают нам в детстве. И никто не расскажет, для чего мы приходим в этот мир? Какова наша цель? Чего мы ищем? И что в итоге делать с тем, что найдём?

Глава 1. Знакомство

Мне двадцать три года, я замужем, у меня есть четырёхлетний сын. В этой точке моей жизни ребёнок – самый главный и важный для меня человек, единственная близкая и родная душа на земле. Я не люблю своего мужа, но не отношусь к тем, кто ищет варианты. В целом, он не самый плохой партнёр и довольно привлекательный мужчина, однако с момента отплытия нашего семейного парусника мы взяли не тот курс. Он пережил шторма и бури, но утратил нечто необъяснимое и важное, то, что могло бы сделать его кораблём. Не обижайте друг друга – обиды не забудутся никогда, они сотрут ваши чувства в прах, и вы либо проведёте в нём остаток своего земного времени, либо растратите быстротечную жизнь на поиски чего-то другого. И далеко не факт, что вам повезёт.

Я возвращаюсь с сыном из поездки в жаркий солнечный июньский день. Мы лечили астму, но санаторное лечение принесло обострение вместо облегчения, и это удручает и злит меня. Впереди вновь долгие походы в больницы, анализы, обследования, бессмысленная трата времени, которое мне очень дорого, потому что я одна в нашей семье работаю. У меня есть мечта – большой дом, и я упорно к ней иду. Я сильная, уверенная в себе, меня распирает от самоуважения, но душит обида на мужа за его беззаботно-вольный образ жизни, за то, что все проблемы мне приходится решать самой, нести ответственность в одиночку. Мы на пике взаимной неприязни в этот период.

Я открываю дверь в наш старенький дом с верандой, раздеваю сына, захожу в гостиную и вижу стол, заставленный бутылками из-под недешёвого алкоголя и остатки такой же недешёвой еды. Гадкие подозрения уже роятся в моей голове, я распахиваю дверь в спальню, но вижу совсем не то, что успело нарисовать моё не в меру буйное воображение: чужое мужское тело в одежде, но, спасибо, хотя бы не в обуви, расслабленно возлежит на моём белоснежном белье.

Разум застилает злость. Нет, это даже не злость, а неистовое бешенство. Развернувшееся передо мной надругательство над моим идеально чистым жилищем, пусть не фешенебельным, но заботливо ухоженным, беспардонное отношение к моим вещам, моей интимности, наконец, вкупе с уже навалившимися проблемами выводит меня из себя. Муж, Артём, возникает вдруг непонятно откуда и объявляет, указав на тело, что это его «друг», что они расслабились и ничего крамольного не делали.

Мой мозг не воспринимает эту информацию. Иногда у меня совсем не получается контролировать свои эмоции, они без предупреждения взрывают сознание, и я не успеваю ничего предпринять, чтобы остановить этот поток. И хотя моему усердию в борьбе с этой напастью можно только позавидовать, на этот раз сдержанность не желает быть мне подругой.

Я хватаю первое, что попадает под руку, и бросаюсь лупить и мужа, и его гостя. Особенно гостя. Последнему достаётся больше всего и ругани, и побоев: моё сознание буквально раздваивается или даже «растраивается», выпуская наружу неосознанную всепоглощающую злость и обиду. Я бью чужака с остервенением, абсолютно неадекватным сложившейся ситуации, и та сила, с которой собственные эмоции разрывают меня на части, удивляет даже меня.

Муж хватает меня за запястья, пытаюсь утихомирить, я несколько раз слышу отчётливое «Да угомонись уже, ненормальная!», но охвативший меня шквал практически неуправляем.

Я луплю гостя, отдаваясь процессу целиком и без остатка.

Я бью его, не жалея сил и проклятий.

Я эмоционально изливаюсь.

И понятия не имею о том, что наказываю неожиданно ворвавшегося в мою жизнь человека *не за то, что уже было, а за то, что ещё только будет.*

В яростном угаре замечаю, наконец, плачущего Алёшу, и лицо ребёнка в момент меня отрезвляет. Я подбегаю к сыну, хватаю его на руки, успокаиваю, а в это время Чужой быстро

встаёт и перемещается в гостиную. Сжимая обеими руками свою побитую голову, он садится на диван. Ему явно больно, а я совершенно неожиданно замечаю, как изящны его руки.

– Убирайся вон отсюда, вон! – воплю. Но уже на три тона ниже, чем прежде.

Незнакомец поднимает голову, убирая от неё свои красивые руки, и, наконец, смотрит на меня. Недовольство в его глазах быстро сменяется чем-то необъяснимым, больше похожим на удивление, нежели негодование, но пристальность в его взгляде заставляет меня замереть. Она словно парализует, обездвиживает, как удав кролика перед поимкой.

– Алекс мой гость, дура! Услышь и закрой рот уже, наконец! – доносится до задворков моего сознания.

Гость разрывает наш необычный зрительный контакт и, взглянув на мужа, выдаёт то, что озадачивает нас обоих:

– Ну, дура не она, предположим! Дурак тот, кто допустил эту ситуацию!

Мы оба, что я, что муж, теряемся в лихорадочных попытках понять происходящее, а парень в это время развивает свою мысль дальше:

– Скажем, я был бы не очень рад обнаружить постороннего человека в своей постели. Думаю, тебе, Артём, следовало предупредить свою жену или меня, как минимум.

– Да кто ж знал, что она явится сегодня! Они должны были вернуться только через три дня! – возмущается мой супруг.

Разумные рассуждения Чужого окончательно гасят мою разбушевавшуюся сущность, и я, будучи всё же слабой и глупой женщиной, начинаю его рассматривать: лет двадцать пять на вид, кареглазый, черноволосый, немного растрёпанный, но в элегантной одежде. Обычным его ни за что не назовёшь, этот молодой мужчина необыкновенно, почти необъяснимо красив. Настолько, что вся моя злость, а за ней и прагматичность вкупе с самоуверенностью расползаются, как нейлон над пионерским костром.

– Давайте мы успокоимся и попробуем всё мирно решить, – обращается он ко мне. – Во-первых, приношу вам свои извинения – я не прав. Во-вторых, завтра я привезу вам новое бельё. Вы простите меня?

И снова этот взгляд – в самую глубь. Он смотрит открыто, с иронией, но и с искренностью в то же время. Его едва заметная улыбка располагает. Очень. Парень обладает природным обаянием, и это как раз тот случай, когда оно запущено на полную мощность.

– Бельё – это лишнее, – спокойно и с достоинством отвечаю.

Адекватность и мягкость героя всей сцены разворачивают мои эмоции на сто восемьдесят градусов: мне стыдно, и теперь я заливаюсь краской, покрываясь густыми малиновыми пятнами – вот так я умею краснеть, чтобы потом сгорать от стыда ещё больше. Двойной эффект, так сказать.

– Пожалуйста, уходите, – тихо прошу. Спокойно так.

– Хорошо, – внезапно соглашается.

Интервент выпрямляется, давая рассмотреть себя получше: стильно и дорого одет в белое, светлые туфли из тончайшей кожи и элегантные часы на руке выдают человека не только хорошего достатка, но и совершенно другого уровня. Даже тёмные вьющиеся крупной волной волосы на его голове острижены хаотично красиво, а значит дорого. Их длина придаёт его образу особый шарм – наши мужчины обычно так не стригутся – ясно, что этот парень нездешний.

Наблюдаю за ним, потому что сложно этого не делать: молодой человек двигается с достоинством, интеллигентно прощается, выходит и садится в новенький чёрный Порше Сауепе. Мне безумно нравится именно эта модель машины, и я мечтаю когда-нибудь накопить на подержанный вариант. Когда-нибудь.

Стою, оперев руки в подоконник с фиалками, и провожаю взглядом удаляющееся авто. А внутри гадко: я позволила себе наброситься на человека с социальным статусом гораздо выше

моего. Факт деления людей на классы по их благосостоянию и образованности унизителен уже сам по себе, а мой плебейский выпад опустил меня ещё ниже. Мне неприятно, стыдно и почему-то больно.

Так случилось, что моё взросление пришлось на период распада СССР, переоценки общественных и личностных ценностей, разрушения экономики, болезненного обеднения людей. Все прицелы были сбиты, всё вокруг рушилось и падало в пропасть. Наши родители не знали сами, как выплыть, и уж тем более им совершенно было не до осознания необходимости привить детям правильные установки, определить для них верные ориентиры. Бедность, в которую мы попали, удручала и пугала мой ещё детский разум и, подобно силе притяжения чёрной дыры, искривила строгие, правильные, честные векторы. Люди, сумевшие добиться успеха, вызывали уважение и благоговейный восторг, а собственная неспособность сделать то же самое низвергала достоинство, запуская механизмы самобичевания.

Мы с Артёмом долго ведём дебаты на повышенных тонах. Я стараюсь придерживаться версии «привёл в дом кого попало», но быстро сдаю позиции под натиском его аргументов: «Алекс – американец, в Кишинёве живёт временно в связи с рабочим проектом». Парень не беден и, если мой муж ничего по пьяни не перепутал, происходит из русской семьи то ли промышленников, то ли аристократов, иммигрировавших в США ещё до революции.

Для Артёма важно то, что его новый друг, возможно, сможет каким-то чудесным образом помочь и нам перебраться в «страну, где мечты сбываются», поэтому он считает, что нам необходимо с ним дружить, ведь мой муж с незапамятных времён вот прямо спит и видит себя в Америке! Ну и ладно, в этом вопросе я с ним солидарна: Алекс – хорошее и полезное знакомство.

Глава 2. Первый день вместе

Алекс, наш новый друг, появляется на следующий день уже в десять утра с пакетом белья, и это говорит о том, что он, как минимум, не спит до обеда подобно моему мужу, а значит, привык работать.

Я слышу шум его подъехавшей машины, выглядываю в окно и вижу, как он выходит из своего Порше, закрывает его небрежно–элегантным жестом и двигается к нашему дому. Он идёт не торопясь, движения его бёдер и плеч, манера держать голову слегка приподнятой говорят о колоссальной уверенности в себе, он пропитан ею, излучает успешность, силу, волю. Его тело вылеплено на мой скромный вкус идеально: довольно широкие плечи, сильные руки и мышцы – их мягкие очертания невозможно скрыть летней одеждой. Я далеко не почитатель мужских тел, но даже у меня невольно рождается желание раздеть этого парня и посмотреть на картину целиком. Он мужественен, но красота эта не вымучена в тренажёрном зале, а, скорее, подарена ему природой, потому что органична. Алекс высокий, но ниже Артёма, и мне почему-то это безумно приятно. Хоть что-то лучше у моего родного мужа!

Аристократизм, воспитанность, изящные манеры – это стиль его существования, они в каждом движении, жесте, в каждой фразе, слове, взгляде:

– Привет! – улыбается.

– Привет.

– Не разбудил?

– Ну, как сказать...

Я стою на пороге в коротких шортах и футболке, в которых обычно сплю, волосы распущены и не причёсаны, хотя встала уже давно. Само собой, ноль косметики, а я без неё даже мусор не выношу.

– Можно войти? – мягко спрашивает.

– Входите, – позволяю.

На лице его исключительно взвешенная улыбка, в ней ни на йоту не больше радости от нашей встречи, чем того требует ситуация. Он идеально контролирует свои эмоции, управляет ими изящно, как парусником; я завидую, но не только, я копирую. Я как губка впитываю умения людей, которые преуспели в чём–либо. Меня не интересуют неудачники, я вижу только успешных, красивых, талантливых, трудолюбивых. Я учусь всю свою жизнь, сколько помню себя, люблю это и делаю исключительно хорошо – всегда была и буду отличницей.

– Я принёс то, что обещал! – протягивает пакет в красивой обёрточной бумаге.

– Забирайте обратно, я же сказала, это – лишнее! – возмущаюсь, но сдержанно.

Я чувствую, что подражаю ему – это непроизвольно, я так устроена. Мой тон, манера смотреть и улыбаться идеально соответствуют его стилю, и я открываю для себя, насколько это приятно, буквально наслаждаюсь происходящим.

– Чем занимаетесь? – спрашивает, легонько облокотившись на столешницу.

– Чищу киви.

– Киви на завтрак?

– Почему бы и нет?

Вижу его взгляд, и он не скрывает истинных намерений моего гостя, в нём очевиден интерес: стойкий, уверенный и лишь слегка сексуальный. Алекс смотрит только в глаза – этого требуют манеры, но хочет разглядывать меня целиком, и я это чувствую, поэтому не отвожу взгляд, не давая ему возможности скользнуть вниз. Однако элементарные принципы гостеприимства вынуждают предложить ему кофе: мне приходится развернуться, и в то же мгновение краем зрения я замечаю, как Алекс, наконец, поглощает мой стан целиком – я была права. Чаше всего я бываю права.

Биотоки сексуального гостя буквально обжигают мою кожу: я стою спиной к нему, но знаю, в какую точку моего тела упирается его изучающий взгляд. И, нужно отметить, такое со мной впервые: не припомню, чтобы когда-нибудь я чувствовала мужчину так полно и так тонко.

Алекс приглашает нас с сыном прогуляться, заявив, что у него есть пара свободных часов, он жаждет посмотреть город и просит составить ему компанию. Артём отказывается с нами идти, поскольку сеанс просмотра его сновидений заканчивается не раньше полудня.

Втроём – я, Алёша и Алекс – мы бродим по Кишинёву – моему родному городу, и я рассказываю историю парков и зданий, нашего Цирка, Театра Оперы и Балета. Я неплохой гид, так как в студенчестве подрабатывала экскурсоводом для иностранцев, могу поведать много интересного и даже на разных языках. Моё хобби – иностранные языки: я бегло говорю на английском, французском, могу примитивно изъясниться на испанском и немецком, не считая родного русского, почти родного украинского и государственного молдавского, который просто обязана знать.

Алекс особенно интересуется зданиями, потому что он архитектор. Я показываю ему дома старого города, о которых знаю занимательные исторические факты, а также новые здания, вздымающиеся ввысь стеклянными стенами. Разоткровенничавшись, признаюсь, что современная архитектура, простая и строгая, техничная по исполнению, нравится мне гораздо больше старинной, чем вызываю архитекторский смех. Мне это не очень-то приятно, и, желая подкрепить свои доводы, я вознамериваюсь показать ему совершенно неотразимый, с моей точки зрения, новый жилой дом:

– Вы не представляете, насколько это современное сооружение! – плещусь восторгами. – Дом выстроен в виде каскада, поэтому каждая квартира имеет свою террасу, и получается, что, чем ниже расположена квартира, тем она больше. Это дом будущего, потому что он построен из экологически чистых материалов, во-первых, а во-вторых, в основе его создания, как я поняла, лежали энергосберегающие технологии, и поэтому у него минимальные потери тепла в зимнее время. Вся крыша и частично террасы покрыты солнечными батареями! Представляете? Поэтому этот дом абсолютно автономен в плане потребления энергии, а значит – экономичен! – я не могу и не хочу скрывать своего восторга. Мои глаза горят, руки дрожат, но мне на всё это наплевать – настолько я воодушевлена.

Алекс сосредоточенно поднимает брови и выдаёт:

– Ну, вопрос воды остаётся открытым. Как зациклить её потребление – вот эта проблема делает абсолютную экологичность и экономичность практически недостижимыми. Технически это можно сделать, но есть и этическая сторона вопроса, – улыбается. – Люди не захотят мыться водой, которая до этого побывала в соседском унитазе, пусть даже лабораторный анализ и покажет её полную стерильность.

Мой рот фигурально открывается, нечто сродни шока пропечатывается на моём лице, а Алекс мягко смеётся, окутывая меня облаком доброжелательности:

– Этот дом тестовый, и построен он по моему проекту. Сейчас мы только начали его заселять, чтобы протестировать работу всех систем. Я тоже в нём живу – в маленькой квартире на пятом этаже, – он снова счастливо улыбается. – На самом деле, на пятом самые большие квартиры, а самые маленькие – на четвёртом и далее увеличиваются до первого. Пятый этаж – самый непредсказуемый, будучи крайним, он подвержен больше других охлаждению. Поэтому самые большие квартиры могут оказаться самыми холодными, несмотря на то, что проектом предусмотрены усиленные системы их отопления. Увидим этой зимой! – и вновь он улыбается одной из своих шармовых улыбок.

– Почему на пятом самые большие, я не могу понять? Визуально пятый этаж самый маленький, – вопрошает мой аналитический склад ума.

– Всё дело в планировке, – объясняет Алекс. – Начиная с четвёртого, квартиры зеркально отражают друг друга, то есть находятся напротив. Всего восемь квартир на этаже. На пятом – всего три квартиры на весь этаж. У них же и самые большие террасы.

– Круто, – выдаю и больше ничего не могу сказать.

– Хочешь ко мне в гости?

– А мы уже перешли на «ты»?

– Ну, мне кажется, уже пора, – и вновь улыбка, самая лучезарная из всех, какие я вообще видела в своей жизни.

«Хочет очаровать меня и соблазнить, самонадеянный аристократ», думаю:

– Подозреваю, что в гости как-то неуместно. Особенно, если мы «на тебя», – выжимаю из себя весь максимум доступного обаяния и так же заливаю его улыбкой с головы и до самых пят.

– Ну, тогда поедем, пообедаем. Выбирай место!

И я решаю: «Выберу самый дорогой ресторан, хе-хе! Будет знать, как выпендриваться».

И выбрала.

Imagine Dragons – Not Today

Это был самый чудесный обед в моей жизни. Так беззаботно, весело и в то же время насыщенно я давно не проводила время. Алёша смешил нас своими выходками, Алекс от души хохотал и внезапно сказал:

– Как прекрасно, наверное, иметь детей и вообще семью...

При этом он так пронзительно заглянул в мои глаза, будто хотел тронуть самые глубокие пласты и посмотреть, что под ними. Но что трогать, если ему и так уже довелось увидеть, насколько «идеален» мой брак, особенно когда муж назвал меня «дурой» при постороннем и «интеллигентно» предложил «закрыть рот». Мне было за это стыдно, и я старалась стереть из памяти всю эту мерзкую сцену, мешающую мне наслаждаться бесконечно приятным общением с этим человеком не нашего мира, не нашего круга, не нашего воспитания и образованности, не наших возможностей. Его интеллигентность и природная мягкость притягивали меня, как магнит. Я ощущала себя личностью рядом с ним.

– Откуда ты так хорошо знаешь русский? – интересуюсь.

– Ты считаешь, хорошо?

– Ну да, ты говоришь на нём, как на родном. И я удивляюсь, как это возможно, если ты американец?

– Меня воспитывали в русскоговорящей семье.

Я улыбаюсь и немного завидую: здорово вот так, наверное, вынести из своего детства бесценный языковой бонус.

– Я русский только наполовину: мои предки жили в Петербурге ещё до Революции – прапрадед перевёз всю семью в США – в Чикаго – а другая половина моей крови по матери испанская.

Годы спустя я узнаю, что эти самые иммигранты были русской аристократической элитой из рода Соболевых, удачно сохранившей и преумножившей свой капитал, чудом избежав финансовых и человеческих потерь во время Революции 1917 года, так что Алекс никогда в своей жизни не знал, что такое бедность, и с детства получил самые широкие возможности. Его предки были не только промышленниками, но и людьми с хорошей интуицией.

– Почему ты решил стать архитектором?

– А что может быть прекраснее, чем создавать и строить дома? Наверное, только производить на свет детей, но этого я, к сожалению, не умею!

Это была шутка, и мы оба над ней смеялись, но его слова оставили в моём сознании магический отпечаток. Плохо только, что впоследствии этот отпечаток упорно игнорировал мой излишне расчётливый разум.

Глава 3. Песня и первый поцелуй

Вскоре мой муж Артём придумал совместный выход в караоке-клуб. Караоке – наше семейное увлечение, мы, в общем-то, и дома поём, поэтому натренированы, и у меня в арсенале имеется штук тридцать песен, которые выходят особенно хорошо. Я обладатель довольно сильного грудного контральто с бархатным тембром и, будучи в настроении, могу произвести нешуточное впечатление. Бывало и такое, что другие посетители караоке предлагали мне деньги, лишь бы я спела их любимую песню. Моему мужу чрезвычайно это льстило, хотя и он тоже неплохо поёт, особенно репертуар Виктора Цоя.

Была пятница, в клубе набилось полно народу, и нам пришлось долго ждать своей очереди. Я, конечно, нервничала, потому что в этот раз хотелось спеть особенно красиво. Вшитые караоке минусовки не устраивали меня своим качеством, поэтому я принесла на диске свою. Алекс это заметил и, лукаво прищурившись, спросил:

– О, а ты подготовилась... У тебя ко всему такой серьёзный подход?

– Почти, – улыбаюсь.

Я выбираю энергичную композицию Pink «Family portrait» и пою её именно так, как и задумала – эффектно. Все детали моего выступления были продуманы ещё дома: босоножки на каблук с тонким ремешком вокруг щиколотки и чёрное узкое платье, обрисовывающее мои контуры во всех правильных местах – козыри нужно использовать.

«Family portrait» – динамичная песня, требующая движений, поэтому моё бедро не слишком усердно, но и не вяло отбивает ритм, производя эффект, неожиданный даже для меня – мужская подвыпившая половина любителей петь не только глазирует меня вождедеющими взглядами, но и некоторые встают со своих мест, аплодируя. В общем, фурор удался, на что я, собственно, и рассчитывала.

В конце песни по залу раздаются крики, чтобы я спела ещё. Не сильно удивившись, поскольку подобное бывало и раньше, я соглашаюсь. Высокий парень с широченной улыбкой оплачивает следующую песню, и я решаю, что теперь, пожалуй, можно ударить и по романтике. Выбираю невыносимо красивую балладу на испанском Шакиры и Мигеля Боссе «Si tu no vuelves», однако петь её необходимо дуэтом. Желающих сделать это вызывается много – больше, чем я рассчитывала, но Алекса среди них нет. Я приглашаю на сцену приятного блондина, голос которого уже успела оценить во время предыдущих выступлений, и мы поём не просто хорошо, а сногшибательно. И пока поём, я конечно поглядываю на Алекса (нужно же проверить, есть эффект или нет), и он смотрит на меня как замороженный, не отрывая глаз, не суетясь, не рыская пальцем по каталогу песен, как Артём. И когда в припеве мой голос раскатывается волной по залу, мне кажется, Алекс перестаёт дышать. Ему явно нравится мой голос, его глаза горят, он улыбается так широко, как ещё ни разу до этого.

Мы отлично провели тот вечер: много шутили, пели, общались. Алекс отказался петь, сознавшись, что у него вряд ли получится так, как у нас с Артёмом, и он не хочет позориться. Мы изрядно повеселились и поздно разъехались по домам.

Я сама себе хозяйка, потому что работаю удалённо, летом у меня долгий отпуск, и мы много гуляем с Алёшей. Алекс часто присоединяется с предупреждением или без, иногда просто находит нас в парке, на площадке, во дворе, появляется вдруг ниоткуда, как снег на голову.

Солнечный день, шум каруселей, детские крики, визг и смех – настоящее лето. Мы делимся воспоминаниями, Алекс рассказывает о своих приключениях в детстве, о том, как сильно шалил, и как изобретательно его наказывали. Я смеюсь от души, потому что и в самом деле очень смешно и даже завидно, ведь моё детство было несравнимо скучнее и проще. Алёша внимает Алексу с открытым ртом, он никого и никогда не слушал с таким интересом и даже почтением. Мой ребёнок нашёл своего кумира, и как же мне больно и обидно, что не в род-

ном отце, а в совершенно чужом для нас человеке и, что хуже всего, абсолютно незнакомом и временном.

Я чувствую, что Алекс сознательно выдаёт минимум информации о себе, создавая лишь иллюзию открытости, но, несмотря на это, я ясно ощущаю в его личности глубину Марианской впадины. Её темнота и таинственность манят, желание приблизиться приковывает всё сильнее.

Но я – человек с детства поставленный в рамки – твёрдо знаю себе цену и пределы своих возможностей, вижу свои горизонты, никогда за них не хожу и даже не имею таких намерений. Меня воспитали в традиционно пуританской семье, и это лишь первая часть Марлезонского балета. Вторая – моя исключительно природная чёрствость и холодность: Артём метко прозвал мою душевность Северным Ледовитым Океаном, а моё тело – ледяной глыбой. Конечно, осознавая свои недостатки, я пыталась их исправлять и медленно шла по этому пути, но нечто более серьёзное, нежели флирт с другим мужчиной, бесспорно, лежало вне границ моего мира.

Самое удивительное – Алекс это понял. Почувствовал, не знаю, может, очень опытный и знавал таких, как я. Я догадывалась, что нравлюсь ему, но не была до конца уверена в качестве кого: друга, собеседника или кого-нибудь ещё. Главное, он долго – около месяца – не делал никаких попыток развить наше наименее приятное и комфортное общение в ухаживание, и я была благодарна ему за это.

Почему? Потому что переход наших отношений на новый уровень означал бы их неизбежный крах, а я не только уже успела прирасти к нему душой, но даже более того: Алекс стал для меня живительным кислородом, глотком воздуха в душной маленькой комнате.

Selig – Knockin' On Heaven's Door

Моя теория дружбы прожила недолго – до одного жаркого июльского дня в парке развлечений.

Мы ели шоколадное мороженое. Из-за жары оно таяло так быстро, что вытекало из рожка на Алёшины руки и щеки, капая на его шорты огромными коричневыми кляксами. В любой другой день меня бы это расстроило, но только не сегодня. Мы так много шутили и от души хохотали, что жизнь казалась счастливой, день роскошным, а испорченные шорты ерундовыми. Я заливалась смехом, абсолютно не боясь показаться неадекватной, и между приступами этой беспочвенно-безудержной радости выхватила карие глаза, затем снова, и снова, и это был взгляд ребёнка, глазеющего на безумно желанную, но безбожно дорогую игрушку в магазине, которой можно любоваться, но нельзя трогать и уж тем более играть. Он был приятен, этот взгляд. Он обволакивал приторной, как мёд, сладостью, размывая реальность и с головой погружая в море влечения, купая в эйфории.

Именно в тот день произошло самое восхитительное и яркое событие в моей жизни – одно из тех, которые навсегда остаются любимым воспоминанием, наполняющим существование смыслом, и проносятся перед глазами в момент угасания навеки – первый настоящий поцелуй.

Моё мороженое так же, как и Алёшино, тает, испачкав моё бедро, запястье и подбородок. Я смеюсь, чуть запрокинув назад голову и прикрыв глаза, чтобы не ослепнуть от счастья, и в этом состоянии невесомости вдруг ощущаю нежнейшее прикосновение к своей коже – лёгкое касание бабочки. Она садится на моё бедро, затем задерживается на запястье, но ещё до того, как её фееричные крылья приблизятся к моему лицу, я усилием воли распахиваю глаза и вижу только фрагменты: воспалённые губы, смуглую кожу, черты и линии лица, тёмного против яркого солнечного света. Мои ноздри впервые втягивают его запах в такой концентрации – он ведь не просто рядом, а находится в той зоне близости, которую называют интимной. Происходящее одурманивает меня до такой степени, что я забываю, кем являюсь и где нахожусь.

Но очень хорошо осознаю, что за мгновение до этого Алекс собирал растаявшее мороженое с моего бедра и запястья губами и языком, нечаянно подарив мне самое экстатическое переживание в моей жизни. Я дрейфую в блаженстве: шум парка внезапно стихает, люди и весь

мир перестают существовать, остаются лишь ослепляюще яркий свет и нежные, но уверенные мужские губы. Алекс целует меня страстно, жарко и так жадно, будто хватается воздух, словно до этого задыхался, и вот, наконец, может дышать.

Я знаю, что это не флирт и не ухаживание, чувствую всем своим существом, что это порыв внезапный, незапланированный, несдержанный. Когда сам Алекс приходит в себя и осознаёт, что сделал, я уже смотрю в его глаза совершенно осмысленно. Он медленно отстраняется:

– Прости меня...

– Всё нормально, – уверяю его, – но не делай так больше.

– Я не буду. Извини.

Но глаза его теперь совсем другие: похоже, его накрыло так же сильно, как и меня.

Несколько дней спустя Алекс неожиданно предлагает снова поехать в караоке-клуб, и мы с Артёмом соглашаемся. Это будний день, народу набежало не так много, и нам с Артёмом удаётся даже несколько раз спеть. Алекс, как и в прошлый раз, смотрит на меня, не отрывая глаз, затем вдруг признаётся, что у меня один из самых красивых голосов, какие он слышал. Но настоящей неожиданностью этого вечера становится его предложение спеть с ним дуэтом.

– Опозориться не боишься? – подшучиваю над ним, осмелев.

– Ну, я постараюсь, – отвечает, широко улыбаясь.

– Что за песня?

– Рианна в дуэте с Микки Экко, песня называется «Stay», ты же поёшь на английском?

– Да, конечно.

– Не то, что бы это была моя любимая песня или что-то в таком духе... Вчера я услышал её в машине, и мне понравились слова. Поможешь?

– Я тоже слышала её по радио, это очень красивая песня. Не уверена, правда, что спою правильно без подготовки, она сложная, и мотив почти полностью выводится голосом, но можно попробовать. Дай-ка угадаю: сегодня мы пришли сюда, чтобы спеть именно её?

– Ты правильно всё понимаешь, – смотрит в глаза так пронзительно, что мне становится не по себе. Алекс, как и всегда, улыбается, но, на этот раз, несколько таинственно.

Мы выходим на сцену, и я впервые вижу то влияние, которое этот парень, очевидно, неизменно оказывает на женскую половину планеты. Он нравится не только мне – всем. И не просто нравится, а примагничивает своей броской красотой, грацией, манерой лишь слегка улыбаться, оставляя шлейф загадочности, манящей сексуальности, вкус тайны, требующей познания. Женщины, сидящие в зале, все без исключения и независимо от возраста, наций, вкусов и предпочтений, очарованы им. Это видно в выражении их лиц, в вызывающе-заигрывающей манере посадки в креслах, в их жестах и глазах, наполненных не просто интересом, а желанием, влечением.

Ошеломлённая тем эффектом, который Алекс так нечаянно произвёл на женскую половину посетителей клуба, я и сама невольно им любуюсь: элегантные белые брюки, на узких бёдрах тонкий чёрный ремень, отливая глянцем, ещё больше подчёркивает изящность его тела, белая рубашка с длинными, но собранными до локтей рукавами, и ворот открыт лишь слегка – как этого требуют правила этикета – но достаточно, чтобы показать его смуглую кожу и совсем немного тёмных волос на груди, оставляющих мощное сексуальное послевкусие. Алекс невероятно притягателен и, похоже, хорошо об этом знает.

Он садится за фортепиано – в нашей песне есть музыка только этого инструмента. Удивлённая, что мой партнёр собирается играть сам, я подхожу к нему ближе и опираюсь на крышку инструмента, сжимая в руках слова песни. Круг света от прожектора падает только сцену, оставляя весь остальной мир в полнейшей темноте и погружая нас двоих в иллюзию уединения, шарм и напряжение.

Алекс играет профессионально: его пальцы так красиво касаются клавиш, легко извлекаемая из инструмента безупречную по моим скромным ощущениям музыку, будто он всю жизнь только этим и занимался. И меня это окончательно покоряет.

Rihanna Stay

Мои слова следуют первыми, и я начинаю петь:

С самого начала, это была лихорадка,

Холодный пот выступил на моём разгорячённом лице.

Я протянула к нему руки с просьбой: покажи мне что-нибудь!

Он ответил: если осмелишься, подойди ко мне ближе...

Я отрываю глаза от листка с текстом песни, смотрю на Алекса, и понимаю, что моя догадка верна: в этих строчках заложен особенный смысл, и он только для нас двоих.

«Если осмелишься, подойди ко мне ближе!» – вот его призыв. Ради него в эту секунду мы находимся на сцене, не отрывая друг от друга глаз.

Не знаю, как быть с этим,

Но что-то в твоих движениях

Заставляет думать, что я не смогу жить без тебя,

И это полностью затягивает.

Я хочу, чтобы ты остался!

Я впечатлена, эмоционально взвинчена. Понимание того, что эта песня – признание в любви, заставляет моё сердце биться о грудную клетку. У меня подкашиваются ноги, те самые «бабочки разлетаются» по всему моему телу из центра груди. Сладость заложенного в песню смысла сжигает мою волю, достоинство, принципы и меня целиком.

А тем временем наступает черёд Алекса, и он поёт свои слова, глядя мне в глаза с такой нежностью, словно хочет проникнуть в самую душу:

Не всё так уж гладко в твоей жизни.

Не то, чтобы ты это выбрала – тебе это дано.

Его голос... Боже, его голос... то бархатно низкий, то изящно высокий, незаурядно сильный, мужской. Он не стелется как мой, нежной волной, нет... он пленяет тех, кто его слышит, будоражит воображение, околдовывает.

И тут я понимаю, что Алекс никогда не рисуется и не выпячивает своих достоинств. Этот человек – закрытая шкатулка с секретами. И это распаляет меня ещё больше.

Смысл следующих слов мне ясен лишь частично, окончательное понимание их глубины и пророчества разорвёт мою душу в клочья много лет спустя. Мы поём одновременно, наши голоса сливаются в одну чувственную спираль, идеально совпадая и дополняя друг друга.

Итак, Алекс предлагает мне пренебречь условностями и рискнуть подойти к нему ближе.

Вопрос в том, насколько ближе? Не настолько ли, когда физически между телами не остаётся ни микрона пространства?

Я вытягиваю последнее «I want you to stay», Алекс смотрит только на меня и улыбается – видит, что всё поняла, и искренне этим доволен, ведь девушка могла бы оказаться глупенькой и ни черта не разобрать его намёков. Да как минимум, не зная английского языка! Забегая вперёд, скажу, что эта его привычка общаться намёками, заставлять людей читать между строк и делать это самому – особенно самому – принесёт нам обоим немало бед.

Глава 4. Первое свидание

Аналитик по натуре и по призванию, я исследую финансовое состояние компаний, рыночные риски, тенденции, разрабатываю стратегии и бизнес-планы. Я смотрю на мир сквозь призму своих профессиональных навыков: абсолютно всё, что со мной происходит, подвергается жесточайшему анализу. Я не романтик, я прагматик.

Помимо моей воли в моём мозгу уже выстроены таблицы причин навязчивого появления Алекса в моём доме, а также карта возможных вариантов развития событий для меня. Вопрос в том, позволю ли я себе это «пирожное»? Я не святоша, но замужем, и до этого момента в моей жизни не было ни единого достаточно привлекательного шанса изменять мужу. Кроме него я не знала других мужчин вообще, мы вместе с ранней юности, почти с детства. Мои губы никто кроме него не целовал – это редкость, и в этом мой характер, мой темперамент. Но в данной точке нашего супружества мы почти не спим вместе – у нас затяжной кризис в отношениях, скорее даже стагнация. Быт вынуждает поддерживать контакт, однако близости, той, которая необходима для интима, между нами нет и уже давно. В этот сложный период мы лишь формально муж и жена, однако под давлением ответственности за счастье общего ребёнка, а также являясь носителями восточного менталитета, где брак – это навсегда, невзирая на неудачи и ошибки семейной жизни, ни один из нас не думает о разводе. Я жду того счастливого момента, когда муж мой, наконец, проснётся и повзрослеет, поймёт, что по званию мужчины обязан взять на себя ответственность за семью, начнёт заботиться о главном её фундаменте, коим, как человек опытный смело заявляю, является отнюдь не любовь, а материальное благополучие. Вопреки уверениям романтичным, чувства разбиваются о быт, вянут от жара раздражения, вызванного финансовыми проблемами.

Я всё ещё молода, но под гнётом несомой в одиночку ноши ответственности за семью и необходимости работать за двоих уже почти забыла об этом, растеряла свою женственность, едва успев её обрести. Я так и не поняла, была ли во мне сексуальность.

А жизнь и молодость неумолимо отсчитывают свои дни, и мне отчаянно хочется не упустить главного. Может ли это стать оправданием для измены? И если уж привносить в свою жизнь перемены, то не с кем попало: этот влекущий, буквально будоражащий воображение самец сможет доставить немало удовольствия...

Вопрос в том, каков его интерес? Меня вряд ли назовёшь красивой, скорее, я выгляжу привлекательно, а если очень нужно, могу выжать из себя даже эффектность. Я среднего роста, после родов не слишком худая, у меня не такие большие глаза, как хотелось бы, совсем не идеальный нос и тонковатые брови. Я часто меняюсь, но в этой точке жизни натуральная почти блондинка – ношу длинные светло-русые волосы. В плане внешности во мне объективно нет ничего выдающегося, ровным счётом ничего. Ну, разве что, мне повезло с фигурой, только бёдра чуть полноваты. А! И губы достались красивые. На этом всё. Целеустремлённость и упорство – мои главные достоинства, ум – моя козырная карта, и вот этот незаурядный ум некоторые особо внимательные личности умудряются прочесть в моих синих глазах.

Однако я совершенно не умею соблазнять мужчин. Эта способность неожиданно проявилась лишь однажды – когда я заинтересовала собственного будущего мужа. Во всех остальных случаях, даже если она очень была мне нужна, призвать её мне больше не удавалось. Я не умею раскачивать бёдрами, взмахивать ресницами и томно трогать себя за волосы, почти не ощущаю своей сексуальности, хотя очень хорошо осознаю, как много теряю в жизни. И как любая молодая женщина, живущая в чувственном вакууме с безразличным мужем, мечтаю познать её краски если не сполна, то хотя бы немного расплескать их на полотне моего серого существования.

Ввиду всех изложенных причин категоричный отказ от интереса красавца не рассматривается мною как единственно возможный и правильный путь. Но самое главное – он меня волнует, и я волную его.

Ludovico Einaudi – Experience

Не буду скрывать, очень тянуло влюбиться. Но я слишком рано стала жить по-настоящему взрослой жизнью, которая не означает «отдельно от родителей», а подразумевает «сложный новорожденный с набором диагнозов, полнейшая вынужденная независимость в вопросах заботы о нём, второй курс заочного обучения в институте, а также головная боль о том, чем платить за квартиру и на какие деньги купить памперсы».

К счастью, я всегда была излишне серьёзной, и ситуацию спасли (именно спасли) заработанные мелким промыслом и накопленные в школьные годы тысяча пятьсот долларов. Я растянула их до того момента, пока сын не позволил хоть пару часов в день подрабатывать. Да, в девятнадцать лет у меня имелись: ребёнок, учёба, работа и полнейшее отсутствие какой-либо помощи, даже моральной. Потому что, если ты, несмотря на все предупреждения и увещевания, была неблагоразумной и умудрилась «залететь», будь добра, напрягайся. Очень справедливая позиция, надо сказать, но, если от моего сына кто-нибудь когда-нибудь забеременеет, и случится это не вовремя, я буду помогать хотя бы деньгами. Это всё-таки жизнь, и порой она очень сложная штука.

Так вот, несмотря на стальной стержень, выкованный жизненными трудностями, я всё же женщина, и кое-что от существа нежного, очевидно, во мне всё-таки осталось. Поэтому любить тянуло, а тем более устоять перед таким сгустком нежности и мягкости, средоточием вселенской красоты и обаяния, ходячим апогеем успешности и мужественности не представлялось возможным. Благодаря тесной дружбе разума с сердцем, я могу смело похвастать тем, что легко контролирую свои чувства, и во мне сразу же начался внутренний диалог, сжатый смысл которого легко уложится в поговорку: «не твоего поля ягода, не по аршину кафтан».

На этом с темой «любви» было покончено.

А вот тема секса меня волновала, и ещё как! Ведь в свои опытные во всех отношениях двадцать три я понятия не имела, что это такое. Нет, ну общее представление, конечно, сложилось, и даже ребёнок родился, но я всерьёз подозревала, что мне не всё показали, не всё открыли и многое (очень многое) утаили. Догадаться об этом было легко хотя бы потому, что я так и не выяснила смысл, скрывающийся в страшном слове «оргазм».

Рядом с Алексом контролировать гормоны невыносимо трудно: тянет. Тянет не просто сильно, а с непреодолимой мощью, настолько невыносимо, что решение уже принято: как только – так сразу. И чёрт с ними, с гордостью и пристойностью. Глядя на этого парня, думать о чём-то ещё кроме секса не получается: желание прижаться к нему и дышать, жадно втягивая носом его запахи, безжалостно сжигает волю, выкорчёвывает разум. Не сразу, но я научилась с этим управляться – холодностью: чем черствее внутренний настрой, тем менее пагубны последствия – на этой волне я буду лететь долго и далеко.

Мы продолжали встречаться и всегда втроём – с Алёшей, но каждый из нас хорошо понимал, что мы оба актёры театра под названием «Иллюзия дружбы». Мы ходили в кино, смотрели полнометражные американские мультфильмы, смеялись, и, когда совершенно случайно рука Алекса касалась моей, нас обоих прошибало током. Мы гуляли в парках, и я украдкой с жадностью любовалась его красотой, безумно мечтая дотронуться. Желание быть ближе сжимало, будто тисками, и заставляло искать поводы сократить официально допустимое расстояние, не ограничивая воображения.

Это было упорядоченное движение космических тел по заданным траекториям, одиночное движение по пересекающимся путям. И ожидание неминуемого столкновения, которое для нас обоих было уже очевидным, стало самым сладостным предвкушением в мире. Моя пуританская сущность забила в самый дальний и тёмный угол моей души, скомкалась до массы,

стремящейся к ничтожно малой, и накрылась, в конце концов, шапкой невидимкой, ожидая своего часа, однако.

Таймер движения Алекса остановился первым, и случилось это в пасмурный, дождливый день.

Подъехав к моему дому, мы сидим в его Порше, никак не решаясь расстаться, и наблюдаем за тем, как дождевые капли монотонно сползают по стеклу, оставляя мокрые зигзаги-следы.

Алекс осторожно спрашивает:

– Могу я тебя попросить кое о чём?

– Ну, смотря о чём...

– Мы можем остаться наедине?

– Ты хочешь, чтобы я пристроила сына и встретила с тобой без него? А зачем?

Алекс отворачивается, едва заметно улыбнувшись, наверное, думает, что я дура. А моё сознание/воспитание/благоразумие пульсирует в захмелевшей от его близости голове тремя красными прописными буквами «Н.Е.Т.».

Но кто ж станет слушать разум при таких-то обстоятельствах?

Hammock – Then the Quiet Explosion (Oblivion Hymns)

Мы входим в полумрак довольно большого холла со стеклянной стеной. Уже смеркается и остатки только что ушедшего солнца лишь слегка наполняют комнаты светом. Я слышу едва уловимую, незнакомую, но безумно красивую музыку и неосознанно ищу её источник. Заглядываю в комнату, расположенную правее, и вижу рабочий стол, весь уставленный мониторами и гигантскими планшетами, на которых Алекс, очевидно, и рисует свои проекты. На одном из мониторов виден эквалайзер в движении, но равномерное звучание музыки во всех помещениях, включая душ, выдаёт стереосистему, распределённую по всей квартире. На полу разложены профессиональные планшеты, развёрнуты рулоны чертежей.

Его квартира не просто красива, она необыкновенна. Немного мебели в стиле Хай-тек и минимум декоративных предметов расставляют акценты, а подсвеченные изнутри стеклянные панно с причудливыми узорами застывших пузырьков воздуха создают иллюзию движения и дарят ощущение комфорта. Эти панно-перегородки, совершенно разные, но каждая по-своему красивая, служат внутренними стенами, зонированными одно большое помещение на комнаты.

Космическая музыка, тихая и едва уловимая, именно «живёт» в этой квартире будущего, дополняя её своим релаксирующим фоном. Внешние стены – это полностью окна, закрытые полупрозрачной белой тканью, настолько нежной, что малейшее дуновение ветра поднимает их, как паруса, открывая взору огромную террасу с растениями и бассейном. Мой нос улавливает едва различимый аромат то ли цитруса, то ли ванили – вероятно, это тоже какая-нибудь сверх прогрессивная система поддержки заданного благоухания.

Я заглядываю за перегородку из матового стекла в левой части квартиры и вижу её – спальню. Посередине, не прижавшись ни к какой стене, а прямо в центре комнаты стоит огромная кровать; белоснежная, как в люксе для новобранцев.

В моей голове болтается мысль, что, «пожалуй, не один десяток таких, как я, уже успел здесь побывать», однако с ней спорит другая: «Но ведь пью же я в семейном ресторане из общественных бокалов и ем из общественных тарелок общественными же вилками, так какая к чёрту разница?». Тем более что в этом заведении весьма трепетно следят за чистотой: белоснежное и ровно выглаженное бельё дышит такой свежестью, какой позавидовали бы даже новорожденные дети – его явно меняли сегодня. И скорее всего Алекс делал это не сам.

Кроме кровати и пушистого, как облако, кремового ковра, в этой комнате, размером с мой дом, больше ничего нет. Одна из панелей стеклянной стены отодвинута, открывая путь на террасу – именно отсюда и рвётся свежий ветер с запахом дождя, прошедшего где-то недалеко

от нас. Он гуляет по всем лабиринтам космического жилища, колыхая белые шторы и наполняя жизнью это пристанище людей будущего.

Я выхожу на террасу, и моё дыхание перехватывает: перед глазами разворачивается вид на город, лес, озеро и саму террасу – небольшой лазурный бассейн с подсветкой, плетёные иланговые шезлонги, кресла–шары, кремовый мрамор под ногами.

Неожиданно по всему периметру зоны релакса загораются огни, сделав всю картину ещё более завораживающей, похожей на взлётную площадку для инопланетных межгалактических кораблей.

– Так красивее, – слышу негромкий голос.

– Да уж... – соглашаюсь. – Ты живёшь красиво.

– Спасибо. План этого дома был моим дипломным проектом. Прошли годы, и с существенными доработками и изменениями не в лучшую, к сожалению, сторону, мне удалось всё же воплотить его в реальность.

И я думаю: «Чёрт, вот я глупая, могла же сразу догадаться! Это уже намного лучше: он нарисовал проект дома – ему отдали одну из квартир, и это совсем не делает его Рокфеллером, а только хорошим архитектором». Мне становится легче, и я выдыхаю:

– У тебя отличный вкус! А что удалили из проекта в итоге?

– Как всегда, самое красивое и самое новое. Что будешь пить? – Алекс улыбается, ни на секунду не отводя взгляда, и моя голова начинает кружиться.

– Куда ж ещё–то красивее?! – искренне удивляюсь. – А что у тебя есть?

– Ну, давай посмотрим вместе: можно приготовить мохито... да, наверное, любой коктейль можно – у меня на кухне есть фрукты. Могу сходить вниз и заказать тебе чего-нибудь в баре!

– Ничего не хочу из бара, – если оставишь меня здесь наедине с совестью, вернувшись, не найдёшь. – Давай мохито?

Мы перемещаемся на кухню – такую же огромную, как и всё остальное в этом необыкновенном жилище – и в ней интерьер оказывается ещё круче, чем в остальных помещениях. Алекс заглядывает в ящики, самостоятельно выезжающие на причудливых механизмах от одного лишь касания его руки, всё горит, светится, услужливо выползает и уползает по малейшему проявлению его желания. Он всё делает ловко и быстро, а я смотрю глазами неандертальца: красота и новизна, техничность и удобство, впечатляющая просторность и одновременно уютная лёгкость его дома произвели на меня впечатление.

– Пойдём на террасу? – предлагает с улыбкой.

– Пойдём, там красиво! – соглашаюсь.

Мы опускаемся на тёплые мраморные ступеньки, ещё сохранившие жар летнего дня, и я жадно пью, потому что, оказывается, мне очень хочется пить. Заметив это, Алекс предлагает:

– Хочешь мой?

За долю секунды я успеваю подумать о неуместности предложения и о том, что этот парень уже прикасался губами к моим, и мы даже, скорее всего, обменялись некоторым количеством бактерий. Последняя мысль, вернее соображение: «он ещё ни разу к нему не притронулся» заставляет меня ответить:

– Да, пожалуйста!

Я практически залпом выпиваю и его напиток.

Между нами виснет неловкое молчание – оба не знаем, как и что говорить, и это удивительно, потому что Алекс вряд ли в этом деле новичок. Люди с такой внешностью, как у него, приобретают пресловутый опыт очень рано и в несравнимо большем объёме, нежели прочие люди.

Я чувствую, как он смотрит на меня, и в этом созерцании обнаруживаю нечто особенное, волшебное. Меня не покидает рвущее шаблоны ощущение, что Алекс боится неловкости и промахов не меньше меня.

– Хочешь, я сделаю тебе ещё? – предлагает, глядя на мой пустой бокал.

– А где тут у тебя душ? – вопрошаю. Мои нервы на пределе, несмотря на тотальный окружающий релакс.

– В спальне, – растягивает губы в ещё более широкой улыбке.

Чёрт, есть хоть что-нибудь, что может понизить градус сексуальности этого парня? Я смотрю и смотрю на его губы, думая о том, как вообще природа смогла породить подобное? Это какой-то гипноз, потому что никогда ещё в жизни мне не хотелось целоваться так сильно.

Да... космическая дверь в спальне... и в самом деле, я видела её. С трудом поднимаюсь, но быстро оживаю и убегая в указанном направлении, чтобы обнаружить две таких двери. Открываю первую и вижу длинный коридор с полупустыми белыми полками и вешалками, одежды очень мало, но сложена она с особой тщательностью. Ясно, это шкаф, думаю. Очень аккуратный. Распахиваю вторую и обнаруживаю что искала – душ, а вместе с ним и гигантское джакузи. Это не кабинка и не кафельный закуток, а небольшое пространство овальной формы, построенное из стеклянных блоков, полых внутри и заполненных органическими фрагментами – песок, кварц, ракушечник, цветной гранит, мрамор. Эта стена сама по себе произведение искусства, но техничность непосредственно душа превосходит рамки моего воображения.

С большим трудом мне удаётся разобраться, как включить воду так, чтобы она попадала на меня традиционным и привычным способом – сверху. Расслабляюсь под струями воды, ну или мохито, вернее, двойная его доза, наконец, подействовала на меня, иначе, если эту пружину не отпустить, вряд ли я отдалась бы совершенно чужому мне человеку, особенно осознавая вопиюще-очевидную временность своего нахождения в этой квартире и вообще в его жизни.

Мои глаза жадно впитывают его интимность – баночки с шампунями, гелями, флаконы с незнакомыми средствами мужской гигиены. Я их не только рассматриваю, но даже трогаю, и это... пугающе приятно: хочется касаться вещей, тривиально составляющих его быт, и околдовываться ещё сильнее. Хочется его узнавать, не думая о том, что будет завтра.

Sarah Blasko – All I Want

Усилием воли я закрываю глаза и подставляю лицо воде. Мне кажется, её потоки смывают с моей души все условности и ограничения, временно стирают память о семье, о ждущем дома не плохом и не хорошем муже, о скучающем сыне.

Я хочу этого, безумно хочу, потому что знаю: мне будет хорошо, а может быть, даже очень хорошо, и вряд ли жизнь ещё подарит хоть один шанс познать это. У меня уже достаточно ума, чтобы понимать истинную ценность вещей, главное – не сделать никому больно.

Внезапно я ощущаю на своей спине тёплую ладонь, медленно сползающую вниз, едва касаясь моей кожи. Замираю, прислушиваясь, затем наблюдаю такое же скольжение от плеч к запястьям. Алекс мягко берёт мою руку, медленно разворачивает её, поднимает и целует запястье. Столько нежности и чувства в этом поцелуе, что у меня в прямом смысле кружится голова, подкашиваются ноги.

Я опускаю глаза на собственную вздымающуюся грудь, вижу тонкие струи воды, обтекающие её формы, и впервые в жизни осознаю свою красоту и сексуальность. Непокколебимая уверенность в этом неизвестно откуда вдруг начинает наполнять меня – замкнутое, закомплексованное, фригидное существо. Голая и мокрая, я разворачиваюсь и прижимаюсь к Алексу, пряча лицо в изгибе его шеи. Осознание незащитности и полной открытости перед ним, касание его одежды к моей нагой коже одновременно восхитительно и удивляет тем, как самые простые вещи способны пробуждать настолько сильные эмоции.

Алекс целует моё лицо и губы нежно, но уже страстно, я чувствую прикосновения его языка, и удивляюсь тому, что мне не противно, а сладко и голодно – настолько сексуальна эта ласка. Прихожу в себя от собственного стога, Алекс тоже останавливается, и в его глазах я вижу нетерпеливый вопрос: «Что не так?».

Я не знаю, что такое сексуальность, но, может, вот то, что сейчас видят мои глаза, это она и есть? Воспалённые мокрые губы, рвано и жадно втягивающие воздух, глаза темнее обычного, с требовательной надеждой вглядывающиеся в мои и говорящие только об одном – желании заняться любовью. И, очевидно, весь мой собственный вид просит Алекса о том же, потому что он бросается стягивать с себя прилипшую одежду.

Я застываю в оцепенении. Оказывается, мне ничего не было известно и о мужской красоте тоже! Сотни скульпторов работали над идеальным рельефом, формами, тысячи художников создавали восхитительный оттенок кожи. Его обнажённое тело делает меня слабой, уязвимой, безвольной. Утончённое и одновременно мужественное, оно притягивает, как магнит, и опьяняет, порождая тысячи неукротимых желаний, самое первое из которых – прикоснуться.

С левой стороны, прямо под грудью, вытатуирован рисунок: замысловатое сказочное дерево, крона которого составлена из множества букв с завитушками, написанных как инициалы. Это дерево повергает меня в состояние некоего транса – рука сама по себе тянется, чтобы дотронуться, и как только это происходит, Алекс накрывает мою ладонь своей и прижимает с такой силой, что я чувствую биение его сердца под моими пальцами.

Взгляд и в нём энергия. А если таких взглядов два, и они соединены, то это – энергетическая вспышка, ядерный взрыв, пик игры человеческого разума, называемой влечением.

Наши тела соприкасаются: вначале легко, словно не решаясь на нечто большее, только знакомясь, медленно и поступательно узнавая друг друга, пока не вжимаются настолько плотно, словно нам обоим необходимо в эту секунду срастись кожей. Запах и близость его сильного тела отправляют меня в иное измерение, где пространство и время воспринимаются иначе, где стыд и стеснение растворяются желаниями.

Обнимая его плечи и целуя губы, я вдруг обнаруживаю странное и необъяснимое чувство, будто вновь обретаю нечто давно утраченное, моё, знакомое мне и бесконечно важное.

Алекс поднимает меня на руки и несёт в спальню. На огромной белой кровати, утопая в пряном запахе его кожи и ванили его простыней, растворяясь в космической музыке, я впервые становлюсь его женщиной – сексуальной, возбуждающей, вдохновляющей, желанной.

Как прекрасно ощущать всё это! Я чувствую, как дышу, живу и проживаю каждое мгновение своего существования в этом мире.

Hammock – Sinking Inside Yourself

Меня будит свет. Ещё рано – не больше семи утра, но солнечные лучи заливают спальню так щедро, что кажется, в ней так же светло, как и на самом солнце. Я шурю и не могу ни открыть глаза, ни привести свои мысли в порядок. Долго пытаюсь выстроить план действий – вариант «красивого и достойного ухода», но, то и дело, спотыкаюсь об обрывки живых и трепетных воспоминаний о прошедшей ночи, которые то стыдят, то вновь возбуждают. Наконец, аккуратно поднимаюсь и сажусь на край кровати – голая, вся в солнечном свете, шуря и пытаюсь вспомнить, где же мои вещи.

Поворачиваю голову и вижу Алекса: его бёдра укрыты, но живот обнажён – совершенно плоский, смуглый, с тонкой кожей, которая нежно двигается вместе с дыханием, а если приглядеться, то и едва заметно вздрагивает с каждым ударом его сердца. На нём, в нижней его части, есть волосы, и у них только одно предназначение – своей ровной линией увлечь женский взор туда, где всё скрыто белой тканью. И Слава Богу, потому что мне давно уже пора домой.

«Конечно, они в ванной. Мои вещи» – вспоминаю. И едва успеваю тихонько туда скользнуть, чтобы потом, как кошка, мягкими бесшумными лапками направиться к выходу, как меня ловят за руку:

– Хочешь сбежать? А кофе? А душ? – Алекс улыбается открыто, как ребёнок, и силится открыть глаза, приподнимаясь на локте, но яркий свет не даёт ему распахнуть глаза как следует. Он такой смешной и бесконечно красивый в этом свете, полунагой, беспомощно ослеплённый, но чуткий и нежный. Я чувствую, ощущаю каждой своей клеткой, как меня накрывает всё больше и больше, и это к моему величайшему сожалению, не только волна вождления: моё сердце колотится так сильно, что я боюсь быть услышанной.

НЕЛЬЗЯ ВЛЮБЛЯТЬСЯ.

Нельзя.

– Прими пока душ. А я кофе сварю, консьерж обещал горячие булочки нам принести, – мягко целует и шепчет в мои губы.

Разумеется, душ я приняла не одна. Очевидно, варка кофе оказалась не слишком увлекательным занятием, потому что не успела я разобраться с душем, как уверенная мужская рука уже нажимала на нужные кнопки. Внезапно нас со всех сторон и чуть ли не из-под земли окатило холодными струями, заставив меня визжать от неожиданности, и Алекс со смехом сообщил, что это «утренний душ». Вода становилась тёплой, а его поцелуи жаркими и страстными.

Потом мы пили невероятно вкусный кофе с горячими воздушными круассанами и мёдом. Алекс всё время улыбался и целовал мои губы, светясь счастьем, что совершенно не было похоже на разовую встречу. Но меня удивляло другое – то количество нежности, которое в нём было. Безграничное, бесконечное, оно никак не вязалось с его мужественностью, в чём – то даже слегка брутальной внешностью, с его уверенной силой и харизмой, уникальной способностью покорять всё и вся. Неординарная для мужской природы мягкость максимально приближала его к существу, наделённому женской природой, и именно эта контрастность покоряла в нём больше всего. Казалось, он вовсе не был обременён гордостью за свои успехи, в нём не обнаруживалось и следа завышенной самооценки, самомнения, обязанного родиться в силу обладания настолько броской и влекущей внешностью, удачливостью, так щедро балующей его в жизни.

Весь день мой мозг парит в туманности Андромеды, я ни на чём не могу сосредоточиться. Суп варится часа три, почта так и не была проверена, хоть и открывалась раз пять. Буквы не складываются в слова, а слова в предложения, веки опускаются сами собой, чтобы дать волю воспоминаниям. Алёша, как всегда, ноет и ноет, требуя внимания, а мне так нужно побыть наедине с собой! Так хочется жить для себя, быть самой собой, мечтать, наслаждаться своими эмоциями, ощущениями.

Но, к сожалению, должность мамы не подразумевает выходных и отпусков, и около пяти вечера, как только спадает жара, мы с Алёшей выходим в парк. Неожиданно я получаю сообщение со смайликом – он улыбается. За ним ещё и ещё: смайлики строят мне рожицы. Выждав около часа и пересмотрев все его эмотиконы, я пишу:

«А словами слабо?»

«Нет! Когда я тебя увижу?»

«Когда ты хочешь?»

«Сейчас. Нет, секунду назад. Нет, вечность назад!»

«Ммм... То есть, я уже в прошлом?»

– Только краешком, остальная часть тебя вся в будущем, на все 99,99% – улыбается, растянув свои красивые губы до ушей.

Я даже не охаю от неожиданности – привыкла к таким внезапным появлениям этого странного, похожего на инопланетянина парня.

Nuovo Inizio A Neuköll Dardust

Август, мы лежим на зелёной лужайке в парке, вечернее солнце мягко согревает нас, и только едва ощутимый ветер напоминает о приближении сентября. Алёша не слезает с Алекса, они борются, и не ясно, кто из них получает больше удовольствия, а я мучаюсь от тянущей

боли моего предательства. Совесть не даёт мне покоя, но эта картина, где чужой дядя лучше родного отца, смешивает уровни моего восприятия, и я уже не понимаю, что хорошо, а что плохо, где добро и где зло. Наконец, сыну надоедает эта суперактивная игра, и он убегает на качели. Алекс лежит в изнеможении на траве и смотрит на меня, а я... я уже давно не могу оторвать от него своих глаз.

Боюсь, он поймёт, как сильно мне нравится, стараюсь напустить больше безразличия и тут же придумываю тему для разговора:

– Слушай, я же почти ничего не знаю о тебе!

– Как и я о тебе, – игриво щурится.

– Нам нужен блиц–опрос – это самый простой и быстрый способ составить представление о человеке!

– Спрашивай, – Алекс приподнимается на локте, готовясь к обстрелу моими вопросами.

– Твой любимый цвет?

– Коричневый.

– Мой тоже коричневый! Шоколадный! – я искренне воодушевляюсь, а мой любовник смотрит на меня, слегка улыбаясь, и едва заметно кивает головой, будто мысленно ставит галочку в невидимом списке.

– Твоя любимая музыка? – уже с азартом спрашиваю я.

– Музыка из фильма про собаку Хатико.

– Мы смотрели Хатико, но я не помню мелодию, надо будет послушать, – обещаю ему.

– Твоя любимая музыка?

– Всё, что красиво, нежно и не слишком печально. Кое–что из классики, саундтреки к фильмам тоже люблю, ну и, как водится, все песни из советского кино!

– Почему «как водится»?

– Все, кто родился и вырос в СССР, обожают советские фильмы и музыку к ним. Тебе этого не понять!

Он смеётся, потом говорит:

– Почему же не понять, мне тоже нравятся советские фильмы. Особенно про Д'Артаньяна и мушкетёров.

– Ты шутишь? – ушам своим не верю.

– Нет, – Алекс улыбается так широко, что от его улыбки тепла больше, чем от вечернего солнца.

– Это же мой любимый фильм! – восклицаю. – Обожаю его с детства и все песни знаю наизусть!

Алекс вновь едва заметно кивает – ещё один уровень пройден.

– Любимый фильм? – снова спрашиваю.

– Ну... многие! «Звёздные войны», «Назад в будущее», «Контакт» и всё, что связано с космической темой, много ещё других.

Теперь уже я мысленно ставлю галочки, ведь «Контакт» давно претендует на первое место в моём рейтинге вместо мушкетёров, а космическая тема – самая любимая моя тема и в кино, и в литературе!

Это сходство вкусов уже не смешит, оно пугает. А Алекс смотрит в самую глубину меня, и мне кажется, что скрыть от него ничего нельзя, практически невозможно. Я отворачиваюсь и тихо говорю:

– И что, Порше твоя любимая марка машины?

– Да, – улыбается. – Но, я думаю, не сложно было догадаться, раз уж я на ней езжу. Твоя какая?

– Тоже Порше, – тихонько признаюсь и уже не верю, что существует нечто, в чём наши вкусы разойдутся.

- Что ты любишь больше всего? – спрашивает он.
- Чёрный шоколад и кофе. А ты?
- А я люблю смотреть на тебя и целовать твои губы...

Глава 5. Второе свидание

Алекс нежный любовник, наверное, самый нежный и искусный на земле. Он знает толк в ласках, даже эксперт в них. Его губы тихо шепнут на ушко именно те слова, которые вы всю жизнь жаждали услышать, его руки окажутся настолько талантливыми и умелыми, что вы в изнеможении будете готовы отдаться ему, но ведь это только начало! После будут поцелуи, некрепкие объятия, ведь он никогда не обнимет крепко – заставляет желать себя, хотеть больше, ещё и ещё.

Наше второе свидание случилось через пять дней. В тот раз я здорово поссорилась с сестрой, оставляя ей Алёшу на ночь с просьбой прикрыть меня. Мы договорились, что это будет последний раз, и я порву с порочной связью, но для меня это был лишь временный компромисс, поскольку, конечно же, я не собиралась этого делать.

Алекс привёз меня в свою квартиру поздно, уже смеркалось. На этот раз неловкости было уже меньше... у него, а я по-прежнему мучилась от дискомфорта. Главным образом потому, что к этому моменту уже всю бесновалось то, что должно было быть моей совестью. Но не только, теперь меня ещё и всерьёз заботило, что обо мне подумает сам Алекс. И в прошлый раз, и теперь я согласилась поехать к нему сразу же, как только он меня позвал, и это в корне противоречило моим принципам. Ночь, проведённая с ним, до такой степени мне понравилась, что я не могла ни о чём другом думать, кроме как о возможности повторения этого «Чуда».

Susie suh-robot Koch here with me

Алекс смотрит в глаза долго, так долго и так глубоко, будто хочет загипнотизировать, но я знаю, что это не так – это всего лишь способ коммуникации, он так настраивает меня на одну с собой волну. И эта его улыбка, которая лишь «слегка», и не улыбка даже, а нечто воздушное, лёгкое, как семена одуванчика, делает его не похожим на просто человека, мужчину, а кем-то необыкновенным, отличающимся от нас, всех остальных.

– Когда у тебя были... месячные? – тихо спрашивает.

Мои глаза, по-видимому, слишком сильно распахиваются от шока и удивления, в которые повергает меня подобный вопрос, потому что Алекс тут же добавляет:

– Мне нужно знать, что делать дальше...

– Сегодня можно... – соображаю.

– Хорошо, – мягко улыбается. – И ты не бойся меня, ладно? Я полностью здоров, убедился в этом прежде, чем прикоснуться к тебе.

Я думаю: «Господи! Что он говорит? Прежде, чем прикоснуться... ко мне?!», а Алекс тем временем медленно укладывает меня на постель, каждое его движение пронизано грацией и волшебной медлительностью, соткано из намёков и едва ощутимых прикосновений.

Его руки – колыбель для неискушённой женщины, и я покоряюсь, просто следуя за ним в этом странном и ни на что не похожем танце.

Моя голова покоится на его согнутой левой руке, а он, тем временем, исследует меня: большой палец, нежно коснувшись кожи за ухом, неспешно ведёт непрерывную линию, повторяя контур моего лица, добирается до подбородка и скользит вниз, к шее, обхватывая её уже всей ладонью.

Я чувствую тепло и силу этой мужской руки, странно будоражащий микс страха, полного доверия, осознания собственной уязвимости и подчинения.

Его взгляд прикован к движениям собственных пальцев, а в нём – жадный интерес ко всякому моему изгибу. Он повторяет линии моих бровей, носа, скул, губ, и эти исследующие ласки растапливают меня, я уже не помню о стыде, скованности, его вопросе.

Deep In you TAWk

Алекс смотрит на мои губы, и я буквально вижу, как его зрачки расширяются, делая взгляд темнее, тяжелее, дыхание учащается, его собственные губы инстинктивно раскрываются. Он целует меня, но не страстно, а нежно, едва касаясь, только трогает губами, я едва ощущаю его дыхание – оно пока сдержанное, почти неуловимое. Его поцелуи стекают по моей щеке к шее, блуждают по коже, они словно бабочки порхают с места на место, и я уже ощущаю всем телом волну, растекающуюся из точки, сосредоточенной где-то внизу живота.

Алекс это чувствует, неожиданно останавливается и смотрит в глаза, изучая реакцию. Кончики его пальцев медленно, неспешно проводят линию по внутренней стороне моих бёдер от колен и выше, и мои ноги будто существуют отдельно от моей воли –гибаются в коленях и норовят раздвинуться, однако я всё ещё в состоянии их контролировать.

Внезапно я слышу:

– Когда будешь готова принять меня, просто скажи «Алекс»...

Согласно киваю, потому что, кажется, у меня парализовало язык, и думаю о том, смогу ли произнести эти пять звуков вообще.

А Алекс, тем временем, продолжает свои ласки; они едва ощутимы и именно по этой причине так волнующи – он будто дразнит меня, совершая с моей фригидностью немислимое: я чувствую, как моя сексуальность появляется на свет, вот она, кажется, уже протёрла глаза и пока не может понять, где находится, и что с ней происходит. Мой разум возмущён, он не согласен, протестует попытками удержать мои бёдра на месте и желательно в сомкнутом состоянии, но, похоже, ему не выиграть этой войны.

Таких острых эмоций, настолько сильного сексуального желания я ещё никогда не испытывала, а ведь этот парень ничего особенного не сделал – он всего лишь меня касается, причём так, будто это и не прикосновения вовсе, а лишь мои мечты о них.

Мой любовник вновь останавливается, изучает, и этот его взгляд я не в состоянии вынести, закрываю глаза и шепчу «Алекс, и он делает то, о чём я попросила, причём в таком немислимо растапливающем темпе, именно моём ритме, что мне кажется, слаще этого ничего и нет на свете.

Всё позади. Я пытаюсь прийти в себя, усилием воли призываю сознание вернуться в моё грешное тело, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и это не удивительно после того, что я только что испытала. У меня впервые появляется мысль о том, как же нам повезло быть видом, способным получать удовольствие от секса. Потому что это нечто невероятное.

Открываю глаза и обнаруживаю Алекса. Он выжидающе смотрит на меня, словно ждёт возвращения способности внимать:

– Ещё?

Конечно, нет! Приличные девушки скромно удаляются после такого чрезмерно бурного свидетельства позорно-похотливой сущности. Я открываю рот, чтобы произнести уверенное и безапелляционное «НЕТ», но мой рот почему-то выдаёт:

– Да!

Клянусь, я не понимаю, как это произошло!

Banks – Waiting game

Алекс на этот раз улыбается чуть более чем слегка, приближается и целует с чувством, прижимаясь своими губами так плотно, что боюсь, эта волна сейчас опять накатит и вот-вот затмит мой размякший ещё после предыдущего сеанса разум. Внезапно он отрывается и снова ищет мои глаза. Его карий взгляд настолько глубок, что я тону в нём, погружаюсь на самое дно. Алекс долго не отводит его, и когда я ощущаю нечто похожее на невесомость, его губы вновь терзают мою шею, и это уже не прикосновения, а нежнейшие ласки.

Жажда соития вновь накатывает на меня, и я зову его:

– Алекс!

Однако он, подозрительно улыбаясь и не поднимая головы, отвечает:

– Ещё рано...

Его губы спускаются ниже, ласкают плечи, руки, целуют живот, затем возвращаются к моей груди. Он ещё не трогал её ни разу и, кажется, даже не смотрел. Теперь же его нежный рот совершает нечто невообразимое... Мои ощущения настолько фееричны, что я всерьёз боюсь не успеть закричать «Алекс», но он об этом уже знает и делает то, о чём я только успела подумать, и на этот раз более страстно и чуть более интенсивно. Эти его толчки невыразимо желанны, я не просто испытываю потребность в них, а как будто задыхаюсь, изнурённая нехваткой кислорода, и он даёт мне его – ещё и ещё.

Моё сознание не желает ко мне возвращаться: я в полной, абсолютной прострации и с большим... нет, с огромным трудом пытаюсь сосредоточиться. Наконец, мне это удаётся, я снова вижу его глаза, лукавые, довольные, почти триумфальные, и слышу тот же вопрос:

– Ещё?

– Да!

Боже мой, кто это с ним разговаривает? И почему голос так похож на мой?

Сексуальный Бог поднимается, запрокинув немного голову назад в своей уникальной манере – его движения так плавны, что сами по себе сводят с ума. Моя рука в его руке, и он не ведёт, а именно увлекает меня за собой. Мы направляемся в душ, но мои ноги едва слушаются.

Тёплая вода быстро приводит меня в чувство, я начинаю трезво смотреть на мир вокруг и... снова вижу его тело. Боже... как? Как ты смог создать подобное? Зачем этот парень показывает мне его? Разве он не знает, что делает со мной это созерцание, мне уже не нужны будут его ласки, я уже и так в том состоянии, когда достаточно только видеть, чтобы быть на грани!

Алекс вновь заглядывает в мои глаза, пользуясь моментом, пока со мной ещё можно контактировать, пока я вменяема. Небольшим движением своей кисти, лишь намёком на него он разворачивает меня лицом к стене и делает это так легко, что я ощущаю себя воздушным шариком в его руках, лёгким, почти невесомым и таким податливым, понимающим все его призывы, отзывающимся на все повеления.

Тем же едва уловимым жестом его рука убирает мои волосы на бок, обнажив затылок, затем проводит всей ладонью по спине. Я чувствую его горячее дыхание на затылке и не пойму, что происходит: это настолько приятно, что я всерьёз задаюсь вопросом, что там у меня? Я пока ещё в состоянии думать, но это ненадолго, потому что безжалостные мужские губы и язык уже терзают это место, и по моей коже бисером рассыпается неизведанное до этого момента чувство – что-то вроде покалывания, но пропитанного невероятным сексуальным возбуждением. Мне бесконечно хорошо и хочется забыться в этом ощущении навеки, но я сегодня не я, а всего лишь моё тело, и оно требует главного, причём почему-то моим голосом стонет «Алекс!» и получает желаемое:

– Обопрись на мои руки, – тихо просит мой любовник, но я медлю, потому что очень туго соображаю, и смысл его послания доходит до меня с превеликим трудом.

– Не бойся, тебе понравится, я обещаю!

И, очевидно, уже не возлагая надежд на мою понятливость, он делает всё сам: поднимает мои руки, укладывает их на свои, упирается в стену и приподнимает меня, совершая, наконец, то, о чём я его просила. И... Я не знаю, куда он там попадает, возможно, в ту самую мифическую точку G, а может быть я просто уже в полнейшем опьянении от ласк этого невероятно опытного и нежного мужчины, но вот ТАК хорошо мне ещё не было. Мне кажется, что я и не человек вовсе из плоти и крови, а бешеный сгусток энергии, рассекающий пространство, разрывающий его на куски, разбивающий на осколки. Мне даже сложно отличить конечную точку от того, что было до неё – это безудержный поток мощных сладких волн, накатывающих одна за другой.

Passion Pit – Constant Conversation (St. Lucia Remix)

Долго не могу прийти в себя и смутно припоминаю, как Алекс буквально поймал моё обессиленное тело, норовившее рухнуть на белый мраморный пол, затем его объятия и поцелуи. Как очутилась в постели, не помню – там провал, наверное, это он отнёс меня.

Как только мне удаётся осознать себя в реальности, я мучительно пытаюсь сообразить, что это вообще было? Не сразу, а очень существенное время спустя нахожу глазами Алекса – он вытянулся рядом, уложив голову на руку, и с наисладчайшей улыбкой созерцает моё пробуждение. Едва мой осознанный взгляд касается его лица, он снова произносит это слово:

– Ещё?

И я не знаю, что за сволочь ему отвечает:

– Да!

К этому моменту я уже ослабла настолько, что мне едва хватает сил понимать его.

Алекс по своему обыкновению улыбается, но на этот раз с оттенком таинственности, затем встаёт и уходит. В комнате уже почти совсем темно, и я действительно с трудом соображаю. Мне мерещится, будто я не проживаю быстротечные секунды в этой спальне, а плыву по реке тишины и умиротворения, эйфории, полузабытья и счастья, именно счастья – всепоглощающего, бесконечного.

В моём размякшем от наслаждений мозгу витает лишь одна мысль: «Господи, как это прекрасно! Как же это прекрасно!.. как... прекрасно...».

Трезвость рассуждений понемногу (хоть и очень медленно) возвращается, и я задаюсь вопросом: «Где он?». Прислушиваюсь: из кухни доносится едва уловимый стук ножа, разрезающего нечто твёрдое на стеклянной разделочной доске.

Я думаю: как хорошо, что темно, теперь он не сможет меня видеть, и мне будет не так стыдно смотреть в его глаза. Да, теперь мне очень стыдно за то, как бурно реагировала на его ласки, и за все, чёрт возьми, «Да», которые и не мои вовсе! Я не знаю, кто это с ним разговаривал, но точно не я, и плевать, что это был мой голос, всё равно не я!

Вдруг вижу Алекса: он рассказывает по квартире совершенно голым с этой своей невыносимой грацией и плавностью, и его бесстыдность в плане наготы, эта свобода, она тоже сводит меня с ума. Это просто невероятно! Я – всю жизнь «зажатая пружина» – которой чтобы расслабиться нужно проделать огромную работу над собой, совершить титанический труд, для которой такое простое явление как «оргазм» – это нечто в подарочной упаковке, которое случается с четверга на пятницу в маков день. И вот она я, прихожу в экстаз от созерцания чужого мужчины, поражающего меня своей уверенностью и свободой от всего: предрассудков, рамок, стыда, зажатости, пределов и ограничений. Алекс абсолютно раскован, и у меня возникает чувство, будто он живёт в совершеннейшей, полнейшей гармонии с самим собой, своим телом и всем окружающим его миром.

Вскоре мой любовник появляется в спальне: в руках его свечи – некоторые из них уже горят – он расставляет их на полу и у нашего изголовья, другие зажигает друг о дружку. Их так много, что в комнате снова светло, и карие глаза смогут опять без труда меня изучать.

От огорчения я прячусь под простыней, лихорадочно придумывая, как бы мне отказаться от этого «Да», сказанного, повторяю, и не мною вовсе! Нет, не то, чтобы я не хочу, я хочу и даже очень, особенно, учитывая тот факт, что если до сих пор всё было по нарастающей, то что же ждёт меня впереди? Господи, страшно представить!

Мне до безумия стыдно, ведь этот парень уже, наверное, подумал, что я ни разу не удовлетворённая, остервенелая, до нельзя развратная женщина! А ведь это не правда, вовсе не правда, всё у меня хорошо! Ну, честное слово! Захотелось мне новых ощущений, в конце концов, у всех же есть определённая доля порочности?

Алекс возвращается в спальню, а я ещё не придумала, как отказаться от продолжения, и у меня уже, если честно, нет надежд на свой разум, поэтому я просто сдаюсь.

Ta-Ku – I Miss You (Tommy Jacob Remix)

А он смотрит на меня ласково, кажется даже, всё понимает, но обратного пути нет, ведь я сказала: «Да».

В его руках огромное блюдо с заботливо почищенными и порезанными фруктами, он ставит его на пол, ложится рядом со мной, целует в губы, и с этим поцелуем я получаю глоток отличного вина, напоминающего нежнейшие полусладкие белые вина вроде Chardonnay, но я знаю, это нечто не той ценовой категории, ведь вкус невыносимый.

– Хочешь ещё? – спрашивает голосом, каким говорят, наверное, только Боги Олимпа.

– Нет, – отвечаю, вино и впрямь волшебное, но мой мозг уже запрограммирован только на «Нет» – я наладила с ним связь, наконец, и за ещё одно любое «Да» будут репрессии! Жёсткие!

– Тогда тебе придётся меня накормить, – сообщает, сощурившись, – я совсем выбился из сил!

С этими словами мой сексуальный Бог поднимает блюдо на постель, аккуратно берёт кусочек фрукта и даёт мне. После этого прижимается губами и забирает его ловким движением своего языка, буквально смахнув так, что я даже толком ничего не почувствовала, но от этого деяния впала в самый натуральный экстаз.

Мне приходится кормить его таким образом довольно долго, при этом я и сама умудряюсь насытиться, но к концу ужина, моё тело уже пылает нечеловеческой страстью. Вроде бы ничего особенного, но то, что он принимает пищу из моего рта, это слияние губами и языками, совместное питание окончательно взламывает последние оставшиеся мои замки.

Всё это время Алекс смотрит на мой рот, и это не просто взгляд – на моих глазах разгорается и разогревается его желание, я понимаю, что его возбуждают мои губы и, вероятно, мой язык тоже, и это знание творит со мной невообразимые вещи: какие-то неизвестные ранее энергетические потоки циркулируют в моём теле, разнося по венам, клеткам, атомам то самое желание, о котором так много говорят и пишут, но о котором я и понятия не имела до сих пор.

Мои руки, похоже, тоже восстали против меня – они обвились вокруг его шеи, пальцы зарылись в его волосах. Боже, его волосы... Их запах и мягкость сводят с ума, и я не могу перебороть желание сжимать их, снова и снова пропускать между своих пальцев. Мне отчаянно хочется потянуть его за них, но я, конечно же, не смею.

Алекс мягко убирает мои руки, заводит их за мою же голову: у него иные планы. Похоже, на этот раз, он намеревается получить удовольствие сам и каким образом! Он меня нюхает! Я ощущаю нежность его губ и дыхания у себя на шее – Алекс целует и одновременно втягивает носом запах моих волос на затылке, его язык ласкает кожу на моей шее и не только на ней так нахально и так сладко! Внезапно он отрывается и уже через мгновение целует моё запястье, причём делает это довольно долго, словно специально медлит, дразня меня. Его губы и язык скользят по тыльной стороне моей руки к локтю и выше, и когда касаются подмышки, он делает глубокий жадный вдох... и тихо, коротко, но всё-таки стонет.

Всё во мне замирает. Затихает, прислушиваясь к сладкой вязкой патоке, растекающейся по венам из точки внизу моего живота. И чем больше поцелуев, тем горячее во мне её реки.

Насытившись, Алекс с очевидным усилием отрывается от не самого моего изысканного места. Глаза его чёрные, как Космос, а сам он почти задыхается. В какой-то миг мне даже кажется, что этот парень вот-вот развернёт меня в мою самую нелюбимую позу и просто изнасилует. Но нет, очень скоро его взгляд проясняется, но на этот раз не изучает, а буквально смакует меня глазами.

Алекс целует меня... всю. И это уже совсем другие поцелуи – они для него: глубокие, жаркие, жадные. Мне всё время кажется, что ему не хватает воздуха – так рвано и глубоко он дышит. И только в этот момент я осознаю, насколько необыкновенный и страстный любовник этот невероятный Алекс.

Я зову его, но он и не думает меня слушать – он ещё не получил «своего». «Свое» это то, что я терпеть не могу. И это то, что у меня между ног. Он хотел познать это и сделал, причём

до такой степени потрясающе, что мне не нужно уже кричать «Алекс», всё и так уже случилось. Но зря я рассчитывала, что он отстанет – нет, Алекс продолжает в том же духе до тех пор, пока я снова не стону его имя. И только теперь он слушает и... насыщается по полной программе, иначе не назовёшь. Похоже, мой любовник долго терпел, убажывая меня – такой горячности и ненасытности я от него не ожидала.

В общем, невозможное возможно, как выясняется. Пять оргазмов подряд! Для меня это даже не рекорд, это нечто из области фантастики. А ведь я была уверена в том, что устроена не так, как все нормальные люди, что что-то не срослось в моём мозгу, ну или... не в мозгу. Я старалась исправиться, читала литературу, хотела уже сходить к сексологу. Выходит, всё со мной в порядке? И просто не было достойного маэстро, способного извлечь из меня музыку чувственных наслаждений?

Когда я в очередной раз прихожу в себя, совершенно уже опустошённая, к своему удивлению обнаруживаю его довольное лицо с тем же вопросом, но на этот раз мне уже хватает ума ответить целомудренное «Нет». Алекс ласково целует, уже совершенно не тем способом, каким делал это раньше, обнимает, и мы оба проваливаемся в сон, почти как супруги.

Tom Odell – Another Love (Zwette Edit)

Утром меня будят странные манипуляции с моими руками, я открываю глаза и вижу Алекса, целующего мои пальцы.

– Что ты делаешь? – удивлённо спрашиваю.

– Целую твои пальцы.

– Почему пальцы?

– Потому что в них больше всего нервных окончаний. Потому что мне нужно разбудить тебя. Потому что твой кофе уже остыл, и потому, что я должен бежать на встречу. Я оставил тебе записку и ключи, но подумал, что не могу уйти, не попрощавшись, и вот я прощаюсь... – и я получаю долгий томный поцелуй в губы.

Просыпаюсь окончательно и вижу, что Алекс, стоящий на коленях у кровати, одет в серо-бирюзовую футболку и трикотажные штаны – это, очевидно, его домашняя одежда, и выглядит он в ней очень трогательно: контраст сексуальности и этой обыденности рождает в моём сердце необъяснимое тепло.

– Сколько ещё у тебя есть времени? – интересуюсь.

– Полчаса где-то, – мурлычет, спрятав нос и губы в моей ладони, прикрыв веки от переполняющей его нежности.

– Тогда я успею в душ. Я быстро! – стараюсь вернуть его в реальность.

– Не спеши, побудь ещё... – просит. – Может, я быстро закончу с этой встречей, дождёшься меня? – его голос так ласков, так мягок, что мне и в самом деле теперь совсем не хочется уходить.

– Нет, мне нужно домой.

– Да, конечно, – глаза его грустнеют.

– Подбросишь меня до центра?

– Я отвезу тебя домой, потом поеду на встречу.

– Успеешь?

– Подождут, – строго отвечает и снова целует мои пальцы, глядя при этом в глаза.

Я улыбаюсь ему, и его настроение поднимается.

Выхожу из душа и вижу Алекса в тёмно-синем костюме в едва заметную тонкую полоску, белая рубашка с раскрытым воротом делает его ещё более мужественным, его чёрные беспорядочно вьющиеся локоны слегка приглажены, и выглядит он исключительно по-деловому.

– Ты похож на директора, – говорю.

– Кажется, именно им я и собираюсь стать, если сегодняшняя встреча пройдет гладко! – заявляет, широко улыбаясь, затем уверенно приближается ко мне и нежно целует в губы, зарывается носом в моих волосах, сладко вдыхая их запах.

Тот день и в самом деле имел огромное значение в его карьере: именно он стал стартом его стремительного, почти вертикального полёта в бизнес–пространстве. Но узнаю я об этом лишь многие годы спустя.

Глава 6. Открытие

Вот вам простейший тест на влюблённость: если, проведя четыре–пять часов без вашей любовницы, вы начинаете по ней скучать, значит, вы не влюблены – иначе десяти минут разлуки хватило бы, чтобы ваша жизнь стала абсолютно невыносимой.

Фредерик Бегбедер

Мы встречаемся так часто, как это только возможно, почти проживаем те месяцы вместе. Я использую все мыслимые и немыслимые предлоги, чтобы проводить ночи с любовником, а родители и старшая сестра методично давят, требуя всё это прекратить – о моём увлечении уже знают все, кроме мужа. О чём он только думает, неизвестно. Похоже, наше взаимное отсутствие интереса друг к другу скрыло нескрываемое, спрятало его под толстым слоем безразличия.

Мой муж Артём – игрок. Нет, к счастью, не азартный: он живёт в виртуальном мире. Все его помыслы и устремления ограничены рамками компьютерной игры под названием Lineage II, в которую он играет всю ночь, а потом спит до обеда. Дома у него нервная и злая жена, ребёнок с проблемами, требующий внимания и заботы, а в виртуальном мире он – предводитель клана в белых доспехах. Но и это ещё не всё: у него также имеется виртуальная жена, и они даже сыграли в своём нереальном мире свадьбу. Самое смешное то, что за пышногрудой нимфой вполне может скрываться лысый дядька из какого-нибудь Устьпендюйска.

Но, невзирая на все мои претензии и обиды на мужа, угрызения совести мучают жёстко – я не могу ни смотреть ему в глаза, ни говорить с ним. В каждом его слове, фразе ловлю намёк на то, что он обо всём знает или, как минимум, начинает догадываться. Ожидание приближающейся катастрофы сжимает меня, словно тисками, и не отпускает, но Артём ни о чём даже не подозревает, и мы не баловали наше брачное ложе интимом месяцами – так повелось давно, появление в моей жизни Алекса было не причиной, а скорее следствием.

Алекс, Алекс, Алекс... – мужчина, созданный из нежности и пылкости. Он осыпает меня поцелуями, словно благословениями, его объятия наполняют энергией, теплом, счастьем.

Но слово «любовь» не звучит между нами ни разу. Ни одного.

Отношения с Алексом строились исключительно на сексе. По крайней мере, тогда это выглядело именно так. Наши первые совместные ночи были восхитительными, но далеко не лучшими. Спустя пару недель он стал проявлять изобретательность, и очень скоро я поняла, что мой любовник – профессионал в этом хитром деле или даже виртуоз. Страшно было думать о том, что позволило ему достичь таких высот в подобном искусстве. Однажды я решила, что пора предвосхитить его дальнейшие продвижения и предупредила:

– Мои пределы уже достигнуты. Дальше нельзя! Тебе придётся найти кого-нибудь более раскрепощённого для таких... вещей.

И вот тут он посмотрел на меня как-то очень странно, настолько серьёзно, что мне стало не по себе. Я ещё ни о чём не думала, но нечто глубоко скрытое в моём подсознании почувствовало это каждым своим фибром: это было впервые – впервые стала допустимой мысль о том, что его интересует не только секс.

Да! Я ханжа и циник. Но в своё оправдание могу с чистой совестью сказать, что не всегда была такой – жизнь поработала над моей огранкой. Зачем я пошла к Алексу в самый первый раз? За сексом? За ним, но скорее из любопытства, нежели из желания. В то время я и понятия не имела, каково это «хотеть секса» – только в теории. Чего я действительно хотела, так это посмотреть на этого жеребца без одежды и узнать, возможно ли в постели что-то иное, чем то, что я уже знала, то есть, почти ничего.

Оказалось, что возможно. И это самое «возможно» откроет мне целый мир: замечательный, сказочный, потрясающий. Теперь я парила по жизни, а не ломилась по ней ледоколом, и за всеми этими переживаниями далеко не сразу поняла, что Алекс давал мне гораздо больше,

чем феерический секс, и это «большее» ёмко умещалось в одном невесомом слове «ласка». Он не жалел нежности, окутывал теплом и не только во время секса, но и после него, без него – когда мы просто встречались мимоходом выпить капучино в кофейне после моей йоги или намеренно пересекали свои пути и графики в одной городской суетливой точке. Не сразу, но осознание того, что я бегаю к нему не за сексом, всё-таки пришло: меня, оказывается, все эти годы мучил не сексуальный голод, а жажда любви и ласки.

Как бы ни было мне больно это признавать, но «пирожное» давным-давно превзошло себя, и те супружеские проблемы, которые успешно игнорировались мною на протяжении последней пары лет, явственно обнажились: не было у меня тепла и мужней ласки, и секса не было, но без последнего я и не страдала, а вот без первых двух пунктов оказалось куда сложнее. Ох, как сложно!

Осознавая всю низость своего падения, я с ужасом обнаруживаю, что теплею, оттаиваю и начинаю издавать ароматы, а в серо-белых графических тонах моего восприятия стали появляться краски с преобладанием розового и голубого.

Физиология

Этот фрагмент пишу одним из последних, поскольку в силу своей бесконечной зажатости и стыдливости до самого конца не решалась завести об этом речь, но, в конце концов, картина не будет достаточно полной без именно этой детали. Гораздо легче даже написать о том, как всё было в первый раз, во второй, сразу после того–то или прямо перед тем-то, но совсем сложно говорить о физиологии.

Люди выбирают друг друга по велению сердца, которое (веление, а не сердце) наука уже успела разложить на гормоны и аминокислоты, под влиянием коих и принимаются романтические решения. Иными словами, всем процессом руководит химия. Психологи же утверждают, что в основе любовных отношений лежит психологическая совместимость. Однако есть также ныне официально признанная наука сексология, которая несёт нам просветление в вопросах физиологии акта любви.

Как часто или же задумывались ли вы вообще когда-нибудь, какую роль в отношениях играет физическая совместимость?

Когда-то очень давно, как раз в то самое время, когда в наших с Артёмом отношениях назрел, наконец, интим, но ещё до его свершения и до шокирующего известия о том, что я беременна, мой будущий муж, который, как и все юноши, проявлял гораздо больший интерес к исследованию темы секса, поведал мне о том, что, оказывается, внутреннее устройство женщины с течением времени подстраивается под внешний инструмент мужчины, создавая в итоге идеальную пару. Но, на это требуется определённое время, поэтому только у верных друг другу партнёров, сохраняющих долговременные отношения (читай супружеские), возможна полная гармония в сексе и защита от проблем, связанных со здоровьем.

Я подумала: «Ого, как много он знает!», но не догадалась, что это была элементарная подготовка. Высоченный – почти под два метра ростом – Артём, сложенный скорее мужественно, нежели астенически, был в том самом интимном месте большим – гораздо больше, чем следовало бы. Зная об этом, ведь мальчики всегда интересуются размерами, он стремился меня подготовить и сгладить, таким образом, возможные недоразумения. Конечно, теперь я понимаю, что он старался и в самом процессе, но мне всё равно было больно, особенно в первый раз, ведь в определённые моменты накала мужчины теряют контроль над собой, и им хочется большего, хотя вернее тут будет сказать «более глубокого». С течением времени конечно же, как он и говорил, ситуация улучшалась, а после рождения сына так и вообще боль пропала и я, наконец, могла расслабиться, но только в одной единственной классической позе, потому что во всех остальных мне по–прежнему было больно. Не трагично, но больно, а страх и ожидание этой потенциальной боли никогда не давали мне возможности понять и познать всю магию полноценного секса.

Мысль о физиологии посетила меня совершенно внезапно где-то уже после пятого свидания с Алексом: он исключительно мне подходил. Более того, если учитывать те ощущения, которые дарил мне его «орган» – а это райское пение птиц, порхание бабочек, журчание живительного ручья и невесомая звёздная пыль – он был создан для меня, лично для меня и в любой позе. Как бы этот парень не вертел меня, ощущения всегда простирались в диапазоне «невероятно, непревзойдённо, фантастически, феерически и незабываемо приятно».

Хотя мне и тяжело говорить на эту тему, не буду ханжой и признаю: он был поменьше, вероятно, но при этом именно такой, какой мог бы доставить мне максимум удовольствия. Не стану скрывать, я пыталась их сравнить и понять, чем же они отличаются, и это было не так трудно, ведь Алекс совершенно бесстыдно мог расхаживать по своей квартире, в чём мать родила. Да он вообще никогда не стремился прикрываться – настолько был уверен в собственной неотразимости. И вот визуально я никаких отличий не заметила: то ли у него был какой-то особый секрет по пользованию этим инструментом, то ли он действительно был меньше на ту самую малость, которую глазами и не увидишь.

Но факт остаётся фактом: в плане физиологии и анатомии мы подходили друг другу, как две эксклюзивные детали, примерно так же, как наши голоса сливались в один, дополняя друг друга, когда мы впервые спели песню, ставшую впоследствии «нашей».

Глава 7. Испания

Наиболее достойные любви наиболее несчастны в ней.

Этьен Рей

Raised By Swans – Old Fires

В середине сентября Алекс признаётся, что хочет показать мне Испанию – родину своих предков. Что тут говорить, это было очень заманчивое предложение, ведь я давным-давно мечтала побывать в «Раю на земле», а Алекс об этом знал – мы успели поговорить даже об этом.

Мне снова пришлось врать мужу: я сказала ему, что Алёше назначили отдых у моря – это поможет нам пережить зимние простуды с наименьшими потерями для его бронхов – а в Каталонии воздух пропитан хвоей и это вдвойне полезно. Муж согласился, только он не знал, что лечиться мы едем не вдвоём, а втроём. И это враньё было самой омерзительной частью моего романа с Алексом, но, как известно, какая же бочка мёда, без ложки дёгтя, так что...

Мы прилетели в Испанию ночью, самолёт приземлился в Барселоне – в аэропорту Эль-Прат – развернув перед моими глазами захватывающее зрелище: город вытянут вдоль моря, и ночью из самолёта тысячи или даже миллионы городских огней, порт, виадук, ярко-синяя горящая башня Акбар, подсвеченные соборы Тибидабо и Саграда поразили моё эстетически восприимчивое сознание своей красотой.

Барселона оказалась городом моей мечты: готические здания, маленькие балкончики, уставленные причудливыми растениями, улицы, вымощенные гранитной плиткой, восхитительный по своей красоте порт, заполненный круизными лайнерами, яхтами принцев и нефтяных магнатов, лазурное море, кристально чистое даже в порту, и солнце – тёплое и ласковое в сентябре. Барселона покорила меня навеки, и увидела я её благодаря Алексу, а он светился, как Новогодняя ёлка, так что я стала даже переживать, что с него вот-вот начнёт слетать золотая пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.